

Анна Федосеева

Памяти друга

Из сборника «Рэм Блюм. Избранные статьи. В воспоминаниях», 2005

Я познакомилась с Рэмом Наумовичем Блюмом, тогда просто Рэмом, в 1938 году, когда пришла в 8-й класс 1-й образцовой, позднее 402-й школы Колпинского района города Ленинграда. Рэм тогда учился в 7-м классе. Спустя какое-то время его выбрали председателем учкома, а меня - его заместителем. В учкоме были одни девочки. Соученики Рэма даже нарисовали карикатуру - у подножия дерева изобразили его, а вокруг - танцующих девочек; внизу была подпись «Рэм и его гарем». Учком следил

за успеваемостью, помогал отстающим в учебе, организовывал вечера отдыха, культпоходы в театр. Общественной работы было много, так как мы были комсомольцами. В школе существовал географический кружок, где мы делали доклады.

С Рэмом мы подружились сразу и на всю жизнь (кстати, я пришла в эту школу из школы-

семилетки, где в параллельных 6-м и 7-м классах училась с будущей женой Рэма Аней Архиповой). Бывала у Рэма дома. Его родители - мать, Фаня Борисовна, и отец, Наум Моисеевич, были приветливыми и гостеприимными людьми. Обстановка в доме была очень скромной, основным украшением квартиры было большое количество книг. Впоследствии такую же картину можно было видеть и в квартирах в Тарту, где хозяйство вела жена Рэма - Аня.

Так получилось, что в классе, где училась я, учились и другие друзья Рэма - Володя Жестяников (ныне профессор Института цитологии РАН) и Люба Александрова (в будущем - актриса театра эстрады и Ленконцерта). 21 июня 1941 года состоялся выпускной вечер десятых классов, который мы готовили с Рэмом.

А на следующий день, 22 июня, началась война. Рэм и я пошли работать на Ижорский завод: он - слесарем, я - счетоводом. С одним из цехов завода он позднее эвакуировался в город Саратов. Володя Жестяников поступил в Военно-медицинскую академию и был эвакуирован в Самарканд, а Люба Александрова - в Свердловск. Я же в конце ноября тоже была эвакуирована в Саратов. Аня Архипова всю блокаду оставалась в осажденном фашистами Ленинграде.

В Саратове, где-то в январе 1942 года, мы встретились с Рэмом. Я увидела изможденного непосильным трудом и недоеданием 16-летнего юношу; жил он в то время в общежитии. Его мать, отец и старший брат с первых дней войны ушли на фронт. Виделись мы редко, так как тяжелая работа и неустройство в быту не создавали условий для встреч, для общения, но когда я узнала, что Рэм заболел и попал в больницу, то помчалась к нему. Вскоре Рэм поправился, и жизнь со всеми тяготами военного времени пошла своим чередом. Рэму еще повезло в том отношении, что в Саратове жила его любимая учительница русского языка и литературы Раиса Евгеньевна Васильева, уроженка города Саратова, где у ее сестры был собственный дом. Рэм бывал у них и всегда находил поддержку.

Рэм все время рвался на фронт, но его не отпускали и тем самым сохранили ему жизнь, так как большинство мальчиков из его 9-го класса погибли. Погиб и брат Виктор.

Так случилось, что в армию ушла и я. Вновь мы встретились в 1945 году, когда я вернулась с Дальнего Востока, пройдя военными дорогами вначале до Берлина, а потом от Берлина до Биробиджана. Вернулась в разбитое Колпино, но дом, где жил Рэм, сохранился. Я снова пошла работать на Ижорский завод, а Рэм уже был студентом философского факультета Ленинградского университета.

В 1946 году нужно было и мне определяться с дальнейшей учебой. Рэм повез меня в университет, он очень хотел, чтобы я поступила на филологический факультет. Я же, поразмыслив, решила, что ездить из Колпино до университета далековато, а до Института киноинженеров от вокзала можно дойти пешком, - и отдала документы в этот институт. Второго октября, когда я пришла к Рэму на день рождения, он спросил у меня: «Где же ты? Я обыскал весь университет...» Я ответила, что учусь в Институте киноинженеров. Рэм был искренне огорчен и считал, что я совершила большую глупость. Его отец Наум Моисеевич, присутствовавший при нашем разговоре, поддержал меня, сказав: «Я

думаю, что Аня поступила правильно. С технической специальностью она никогда не останется без куска хлеба...»

Эти слова через несколько лет подтвердились на примере Рэма, а я никогда не жалела о своем выборе. Рэм, закончивший университет в 1950 году и готовый поехать в любую самую отдаленную точку страны, не получил никакого направления - в стране шла очередная античеловеческая кампания «дело врачей-убийц». Имея на руках семью, уже родилась дочь Леночка, молодой специалист с университетским дипломом вынужден был пойти работать на стройку простым рабочим.

Через полгода однокашники по университету, получившие назначение в Эстонию, пригласили Рэма на должность лаборанта в Учительский институт. В 1951 году Рэм перешел на преподавательскую работу в Тартуский университет. Так началась его жизнь и работа в Тарту. Когда Рэм приезжал в Колпино, мы встречались. Тем для разговоров было много: положение в стране, критика Сталина (после 1956 года Рэм уже был антисталинистом). Однажды я содрогнулась, когда он рассказал, как на вопрос студента: «Какая разница между Гитлером и Сталиным?» он односложно ответил: «Никакой!» Вести такие разговоры в то время, когда не прекращались беспричинные аресты, когда продолжались репрессии против инакомыслящих, когда властью всячески поощрялись доносы (кажется, это в те годы появилось присловье, что «скорость стука быстрее скорости звука»), было очень рискованно.

В апреле 1956 года декан химического факультета Института киноинженеров предложил мне поехать в Германскую Демократическую Республику (в рамках обмена студентами и аспирантами между СССР и ГДР). Я, конечно же, сразу согласилась, но летом начались «венгерские события».

Рэм, как никто другой, хотел досконально разобраться в происходящем, для этого он даже изучил венгерский язык. На эту тему была написана им кандидатская диссертация, но защитить ее в родном Ленинградском университете Рэм не мог в течение четырех лет. Это значило только одно - что «венгерские события» были освещены в диссертации объективно.

В 1961 году я вернулась домой, в Институт киноинженеров. В 1963 году получила комнату в коммунальной квартире в Автово. Поскольку маршрут автобуса из Тарту проходил мимо моего дома, то Рэм и его семья стали моими частыми гостями. Иногда, когда я уезжала, они жили летом в моей комнате. Мы были молоды, жизнерадостны, легки на подъем и обладали безграничным чувством юмора. Иногда, вернувшись домой, я могла найти записку такого содержания: «Дорогая Анюта! Твоя уютная комната снова пережила нашествие гуннов, пришедших с Запада. За все разрушения и убытки платит ООН. Мы же, хотя и прожили у тебя целую неделю, во внутренние дела твоей обители не вмешивались. Надеемся, что приедешь в хорошем здравии. Приезжай к нам. Ждем. Целуем. Рэм, Аня, Витька, Лена, Вета, Володя, Алла» (Вета - жена В. Жестяникова, Алла - его дочь, окончившая Тартуский университет).

В 1965 году Рэм пригласил меня на свое 40-летие. Когда я приехала в Тарту и искала улицу Анне, никто из встречаемых не хотел мне объяснить, где эта улица находится, так как спрашивала я по-русски. Все делали вид, что не понимают меня. Тогда я догадалась спросить по-немецки и сразу же получила толковое объяснение. Правда, о некоторых особенностях отношения эстонцев к русским я знала с 1946 года, так как бывала в Тарту в те времена.

На дне рождения Рэма я познакомилась с химиком В. Пальмом, физиком Ч. Луцником, экономистом М. Бронштейном и философом Л. Столовичем. Это были не только друзья, но и идейные единомышленники, которые, критикуя существующий строй, прекрасно понимали причины его недостатков и всячески старались содействовать строительству «социализма с человеческим лицом». В то время ректором Тартуского университета был академик Федор Клемент; сам талантливый физик, он поверил в этих молодых и талантливых ученых, всячески их поддерживал и защищал.

В 1968 году советскими войсками была жестоко подавлена «Пражская весна». За всеми этими событиями мы внимательно следили и очень переживали поражение, так как среди чехов у нас было много друзей.

В «хрущевскую оттепель» моему соседу по коммунальной квартире удалось вступить в жилищный кооператив и построить однокомнатную квартиру, на которую потом обменяла свою комнату. В конце мая 1969 года я в нее переехала, и, хотя она находилась на другом конце города, Рэм и его семья по-прежнему всегда были желанными гостями в моем доме.

В 1971 году, летом, Рэм приехал в Ленинград с одиннадцатилетним сыном Виктором. Сам он был очень подавлен и бросил такую фразу: «Приехал специально, чтобы показать Вите Ленинград, потому что тучи так сгустились, что я не уверен, удастся ли нам с Аней избежать ареста...» К счастью, и тогда все обошлось - никто не пострадал. Мы же с Витей сходили на спектакль «Наш цирк» в ТЮЗе. Не помню, понравился ли ему спектакль, но я тогда так смеялась, что он с удивлением на меня поглядывал, а потом на вопрос, что ему в Ленинграде больше всего понравилось, ответил: «Тетя Аня». Через много лет, когда Витя был уже женат, я получила от него новогоднюю открытку. «Дорогая Анна Сергеевна! - писал Виктор. - Поздравляем Вас с наступающим Новым годом! Желаем Вам здоровья и реализации хотя бы того, что нам оставлено в невеселое время. Однако все, что связано с душой - в это вера у меня сохранилась, - может и должно светить и осветлять. Для меня же Вы есть и всегда были таким осветляющим человеком. Всего доброго! Ваши Юля, Витя».

Наши встречи с Рэмом и его семьей продолжались. Подходили 50-летние юбилеи - в мае 1973-го Аня и Рэм были у меня, в ноябре 1973-го отмечали 50-летие Ани и их серебряную свадьбу. Эти праздники были очень приятны, так как находиться в обществе дорогих с юности людей всегда доставляло большое удовольствие.

Во время наших встреч Рэм всегда подбрасывал нелегальную литературу, а затем и «самиздат». Это были ходившие в те годы по рукам произведения А. Солженицына, Роя и Жореса Медведевых, Н. Каржавина и других. Рэм и сам много печатался и на русском, и на эстонском языках. Однажды он подарил мне книгу на эстонском языке с надписью: «Дарю тебе книгу, которую ты никогда не сможешь прочитать».

В 1975 году Рэм защитил в Тбилисском университете докторскую диссертацию на тему «Проблема революции в общественной мысли второй половины XIX века». Ничто не могло его отвлечь от изучения процессов социальных изменений в обществе. Рэм, как он сам говорил, был последовательным марксистом, унаследовав революционную романтику старшего поколения. Беседы с ним доставляли истинное удовольствие, всегда были познавательными; он многое помнил из прочитанного, обладал огромной эрудицией, легко мог объяснить мотивы любого человеческого поступка и ситуацию в обществе. Рэм бывал терпеливым и внимательным слушателем, старался поддержать человека в трудную минуту, обладал редким умением поднять собеседника в его собственных глазах. Недаром его так любили и уважали студенты, для которых дом Ани и Рэма был всегда открыт. Говорят, что идеальных людей не существует, но я не могу вспомнить ни одного недостатка Рэма и всегда буду говорить о нем только в превосходной степени. Я знаю, что сам Рэм никогда не позволил бы мне этого сделать, так как был он человеком скромным, и мне часто говорил:

«Анюта, не хвастайся!» Кстати, только после его смерти я узнала, что он был награжден Государственной премией Эстонии.

Все политические споры и переживания, естественно, тяжело отразились на здоровье, как говорится, человеческое сердце не камень. И в середине семидесятых годов у Рэма случился инфаркт. Мы очень за него переживали и, но благодаря неусыпным стараниям и заботам Ани, Рэм поправился и продолжил свою педагогическую и научную деятельность.

Умение дружить унаследовали и дети Рэма. С дочкой Рэма Леночкой у нас с самого ее детства были взаимопонимание и обоюдная любовь. В 1985 году Рэм пригласил меня на свое 60-летие. Тартуский университет торжественно отметил эту круглую дату в жизни профессора Р.Н. Блюма. В актовом зале университета было много гостей, приехавших со всей страны. Среди них - много бывших студентов Рэма. Речи были теплыми и благодарными. После заседания был безалкогольный банкет, так как незадолго до этого вышло постановление правительства о борьбе с пьянством. Но и без алкоголя праздник прошел весело и интересно. Я искренне радовалась за Рэма - это было признание его как педагога, как ученого и общественного деятеля.

В конце мая - начале июня 1989 года я отдыхала в Пушкинских горах, а когда вернулась домой, позвонила Лена и сказала: «1 июня умер папа...» Умер как боец, на очередном заседании. Наверное, неспроста, в народе говорят, что вот такую смерть, на людях, Бог посылает только избранным - на миру и смерть красна...

Аня уже после смерти Рэма нашла в его дневнике цитату из Кафки: «Если я обречен, то обречен не только на гибель, но обречен и на то, чтобы до самой смерти сопротивляться...»

Проходит время, но память о светлом человеке Рэме Наумовиче Блюме навсегда остается с нами.

2003 г., Санкт-Петербург